

История шляхетного кадетского корпуса почти не изучена и дана в официальном изложении Висковатова (1832 г.) в виде крайне тенденциозного и скудного очерка. О взглядах, выработавшихся в корпусе, можно судить только по отдельным фактам. Так, в 1790 г. корпус издал книжку под заглавием «*La muraille parlante ou tableau de ce qu'on a écrit et dessiné sur la muraille du jardin du corps Impérial des Cadettes gentilshommes*».

Среди надписей имелись следующие: «Глас божий — глас народа» и другая «*Pope sagt, daß die Regierungsform die beste sei die am besten verwaltet ist*». На одной из стен в корпусе висел лист с именами авторов, писавших о воспитании и очевидно рекомендуемых к чтению. Среди них были Локк, Ж. Ж. Руссо, Кондильяк.

В «Записках» того же Глинки говорится между прочим о посещении кадетского корпуса графом д'Артуа (1793 г.). Во время посещения Ангальт, как рассказывает Гляпка, проговорился, заметив, что «королевские братья похожи на слуг, которые кричат, что дом их господина горит и чем бы гасить его — они бегут» (стр. 77).

Аналогичное отношение к эмиграции было довольно распространенным среди оппозиционной аристократии.¹ Оно было связано с идеями русского буржуазно-дворянского патриотизма, формировавшегося во многом под влиянием примера революционного патриотизма Франции. Необходимо подчеркнуть, что патриотизм в России XVIII в. выступает своеобразным ранним славянофильством. В нем одновременно сказались два отношения к французской революции: с одной стороны, пример патриотизма, отмеченный русским дворянством, продолжавшим даже в 1793 г. сознать военные победы и отдельные заслуги революции,² с другой, — вражда к галломании. На основе вражды к галломании выросла борьба Шишкова с карамзинизмом и выступления против галломании, предшествовавшие этой борьбе.

В этом же 1793 г., когда Екагерина прерывает всякие сношения с Францией и политические темы становятся запрет-

¹ Его мы встречаем в письмах Растопчина к С. Р. Воронцову с упоминаниями о «знаменитых бродягах» и в неприязни С. Р. Воронцова к д'Артуа.

² В октябре 1793 г. Растопчин писал С. Р. Воронцову: «Некоторые из наших молодых женщин, желая возродить французскую любезность, убитую революцией, перестали быть добрыми матерями и порядочными жемчужинами и сделались достойными смеха» (стр. 109).